

УДК 330.1 + 316.2

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЕЙШЕЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ: ОТ НАРРАТОЛОГИИ И МЕМЕТИКИ К НАРРАТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются этапы формирования новейшей, нарративно-дискурсивно-риторической, методологической парадигмы в области социогуманитарных наук. На первом этапе проводится изучение экономических историй, социальных дискурсов, больших и малых нарративов по аналогии с другими направлениями нарратологии (исторической, литературной, психологической, социологической, экономической нарратологией и т. д.). Второй этап предполагает исследование экономических и социальных мемов, психических вирусов, мыслей-вирусов в сравнении с другими направлениями меметики (исторической, психологической, социологической, экономической меметикой и т. д.). Третий этап подразумевает формирование современной нарративной экономики и повествовательной социологии, в процессе развития которых были образованы основные виды анализа нарративов (академический анализ нарративов, жизненные истории как метод сбора данных, качественный анализ нарративов, когнитивный нарративный анализ, количественный анализ нарративов, конструктивистский подход к анализу нарративов, метод нарративного интервью, метод создания метанарративов, нарративный анализ, психоаналитический анализ нарративов, структурный анализ нарративов, сюжетный анализ и т. д.). Анализируются взаимосвязи нарративной экономики и повествовательной социологии. Определяется вклад различных научных дисциплин в развитие нарративной экономики и повествовательной социологии. Обосновываются следующие выводы: новейшие отраслевые теории, такие как нарративная экономика и повествовательная социология, сформировались благодаря совместному использованию методологических подходов, разработанных в рамках истории экономических учений, истории макро- и микросоциологии, нарратологии, меметики, социально-экономической риторики, макроэкономического прогнозирования и социального проектирования; в качестве теоретической основы нарративной экономики и повествовательной социологии выступает новейшая, нарративно-дискурсивно-риторическая, методологическая парадигма, в рамках которой выделяются, с одной стороны, методологические подходы, разработанные в рамках указанных научных дисциплин, а с другой стороны, количественный и качественный анализ экономических и социальных нарративов.

Ключевые слова: большие и малые нарративы; социальный дискурс; экономическая история; психический вирус; экономический мем; история экономических учений; история макро- и микросоциологии; нарратология; меметика; риторика; макроэкономическое прогнозирование; социальное проектирование; нарративная экономика; повествовательная социология.

Образец цитирования:

Щербин ВК. Этапы формирования новейшей методологической парадигмы: от нарратологии и меметики к нарративной экономике и повествовательной социологии. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;4:31–42. EDN: SNSBVG

For citation:

Shcherbin VK. Stages of formation of the newest methodological paradigm: from narratology and memetics to narrative economics and storytelling sociology. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2024;4:31–42. Russian. EDN: SNSBVG

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); leading researcher.
shcherbin5353@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6217-1265>

STAGES OF FORMATION OF THE NEWEST METHODOLOGICAL PARADIGM: FROM NARRATOLOGY AND MEMETICS TO NARRATIVE ECONOMICS AND STORYTELLING SOCIOLOGY

V. K. SHCHERBIN^a

^aCenter for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademichnaja Street, Minsk 220072, Belarus

Abstract. The stages of the formation of the newest, narrative-discursive-rhetorical, methodological paradigm in the field of socio-humanitarian sciences are considered. The first stage involves the study of economic histories, social discourses, large and small narratives by analogy with other areas of narratology (historical, literary, psychological, sociological, economic narratology, etc.). The second stage involves the study of economic and social memes, mental viruses, thought viruses in comparison with other areas of memetics (historical, psychological, sociological, economic memetics, etc.). The third stage implies the formation of modern narrative economics and narrative sociology, in the process of development of which the main types of narrative analysis were formed (academic analysis of narratives, life stories as a method of data collection, qualitative analysis of narratives, cognitive narrative analysis, quantitative analysis of narratives, constructivist approach to the analysis of narratives, the method of narrative interviews, the method of creating metanarratives, narrative analysis, psychoanalytic analysis of narratives, structural analysis of narratives, plot analysis, etc.). The article analyses the relationships between narrative economics and storytelling sociology. It identifies the contributions of various disciplines to the development of narrative economics and storytelling sociology. The following conclusions are substantiated: narrative economics and storytelling sociology, as the latest branch theories, were formed due to the joint use of methodological approaches developed within the framework of such different disciplines as the history of economic doctrines, history of macro- and microsociology, narratology, memetics, socio-economic rhetoric, macroeconomic forecasting and social design in narrative research; the latest methodological, narrative-discursive-rhetorical, paradigm serves as the theoretical basis for narrative economics and storytelling sociology, within the framework of which, on the one hand, methodological approaches developed within the framework of the scientific disciplines listed above are distinguished, and on the other hand, quantitative and qualitative analysis of economic and social narratives.

Keywords: large and small narratives; social discourse; economic history; mental virus; economic meme; history of economic doctrines; history of macro- and microsociology; narratology; memetics; rhetoric; macroeconomic forecasting; social design; narrative economics; storytelling sociology.

Введение

В последние годы в российской и белорусской научной периодике появились описания целого ряда наметившихся кардинальных методологических поворотов в развитии социогуманитарных наук. Так, об антропологическом повороте пишут антрополог И. Д. Прохорова [1] и социолог М. С. Фетисов [2]. Нарративный поворот описывает философ В. Л. Лехциер [3]. Роль интерпретативного поворота в «обращении исследователей к жизненным историям» раскрывается в работах философа Е. Г. Трубиной [4, с. 42]. Ряд поворотов, ориентированных на использование междисциплинарного методологического подхода (поворот к культуре, поворот к сложности и мобильности, прагматический поворот, постмодернистский поворот, феминистский поворот, поворот к теориям риска, эволюционистский поворот, поворот к жизненному миру, поворот к визуальной социологии), рассмотрела белорусский социолог Л. Г. Титаренко [5].

Российский философ и социолог С. А. Кравченко попытался объяснить явную множественность описываемых методологических поворотов в развитии социогуманитарных наук следующим образом: «Происходит ускоряющееся и усложняющееся развитие

природы и социума, что обусловлено эффектом “стрелы времени”; в этом контексте идет становление научного знания: теории все быстрее устаревают, их место занимают другие, основанные на более сложном инструментарии, позволяющем адекватнее отражать происходящие изменения. <...> По критерию способности теоретико-методологического инструментария анализировать ускоряющуюся социальную и культурную динамику нами были выделены пять поколений социологической теории в виде соответствующих пяти метапарадигм (в виде позитивистской, интерпретативной и интегральной метапарадигм, а также в виде метапарадигмы рефлексивного модерна, или сложной междисциплинарности, и метапарадигмы постмодерна, или постдисциплинарности. – В. Ш.). Каждое новое поколение социологической теории возникало лишь тогда, когда общество преодолевало очередной порог динамической сложности и... инновационный теоретико-методологический инструментарий создавался для анализа реальных изменений жизни общества» [6, с. 16–17].

С. А. Кравченко приходит к выводу о том, что необходима гуманистически ориентированная постдисциплинарность, которая будет органично включать

в себя как теории хаоса, сложности и цифровизации, так и новые подходы к гуманизму, адекватно отражающие сложности и нелинейности картины мира А. Эйнштейна. Такая постдисциплинарность позволит комплексно изучать жизнь человека в условиях становления цифровых реалий, учитывая основные факторы производства всего функционально значимого для живого (чистой почвы и воды, благоприятных климатических и атмосферных условий). С. А. Кравченко выражает надежду на то, «что принятие политиками достижений гуманистически ориентированной постдисциплинарности» даст обществу возможность «обеспечить переход от формально-прагматического к *жизненно значимому* тренду развития» [6, с. 23].

Общую черту под многочисленными описаниями разных типов методологических поворотов подводит российский философ В. В. Савчук: «В набирающей скорость истории XXI в. повороты появляются все чаще и чаще: после онтологического, лингвистического и иконического поворотов на рынок концептов почти в одночасье выброшены антропологический, теологический, перформативный, постмодернистский, пространственный, прагматический, риторический, телесный, топографический, содержательно-эстетический повороты, каждый из которых на свой лад хочет дать ответ на вопрос, что есть все, исходя из предмета своего исследования и тем самым представить его в качестве первой философии» [7, с. 106]. Но объявленные повороты не только не закрывают

поставленные вопросы, но и поднимают новые, например о том, какова инстанция, от имени которой утверждается смысл, где основа легитимации такой позиции, несут ли эти повороты новую интонацию, отражающую настоящее время, дают ли они опору конкретно-научным и гуманитарным исследованиям, настраивают ли они художника на новое видение мира, переопределяют ли они онтологические основания сущего [7, с. 107].

Нам представляется, что поиску ответов на поставленные вопросы будут способствовать следующие предложения российских философов. В частности, О. Н. Яницкий считает, что «...современный институт науки критически отстаёт от динамики глобальных систем. Для разрешения этого кризиса нужны проблемно-ориентированный и междисциплинарный подходы» [8, с. 161]. В. Е. Кемеров описывает возможные пути удовлетворения потребности в новых методах и подходах. Он отмечает, что, как только возникает проблема изменения методологии, выработки новых методологических средств, сразу же проявляется социально-историческая, человеческая обусловленность методологической деятельности. В XX в. познавательные стандарты обнаружили свою зависимость от процесса познания, развитости познающего субъекта и типа познаваемых объектов, поэтому в основаниях методологии были выявлены социальные, человеческие, культурные и исторические измерения и возникла потребность в их социально-философском осмыслении¹.

Нарративная экономика и повествовательная социология

На наш взгляд, в поисках гуманистически ориентированной постдисциплинарности, а также в процессе выработки проблемно-ориентированного и междисциплинарного подходов к конечной цели ближе всех подошли такие социогуманитарные дисциплины, как нарративная экономика (экономическая теория, которая «показывает, как популярные истории со временем видоизменяются, оказывая влияние на экономические результаты, вызывая не только рецессии и депрессии, но и другие значительные экономические явления» [9, с. 17]) и повествовательная социология (отраслевая социологическая теория, которая «поощряет написание текстов, экспериментирующих с различными формами репрезентации и стремящихся к взаимодействию с миром за пределами академической сферы» [10, р. 10]). Обе научные дисциплины ориентируются в своем развитии на использование дескриптивно-аналитической методологии. О преимуществах указанного типа методологии российский экономист Д. Е. Расков пишет следующее: «Структуру современного экономического знания невозможно описать, исходя из

единой нормативной методологии. Прескриптивный позитивизм К. Поппера, представление о развитии экономической теории в терминах смены парадигм Т. Куна или сосуществования и конкуренции научно-исследовательских программ И. Лакатоша утратили былую привлекательность и объяснительную силу. Гораздо большее значение приобретает дескриптивно-аналитическая методология, к которой относится риторическая концепция метода. Риторическая программа предлагает сместить акцент на практическое объяснение убедительности различных теорий. Согласно новому видению факта не существует без интерпретации, реальности – без наблюдателя, экономики – без человека, науки – без риторики. В контексте данного подхода, созвучного эпиграфу из Х.-Г. Гадамера (“Подлинная риторика не может быть отделена от знания истины вещей”), предлагается вернуться к античному пониманию риторики как культуры готового слова, “говорящей мудрости” Дж. Вико, обратить внимание на язык, стиль, риторические стратегии, используемые метафоры. Дискуссия по поводу этого метода, которая началась со

¹Кемеров В. Я. Методология // Социальная философия : словарь / под ред. В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова. М. : Акад. проект, 2003. С. 230–231.

статьи Д. Макклоски в 1993 г. в “Journal of Economic Literature”, сегодня уже завершена. Риторическая концепция метода была признана и заняла достойное место в ряду других подходов к методологическому исследованию экономической теории» [11, с. 81–82].

Представители российской и зарубежной социологической науки считают, что нарративы должны лежать в основе каждого систематического теоретико-методологического исследования в области социогуманитарных наук: «Нарратив, как лингвистический, культурный и социальный феномен... лежит в основе качественного социологического подхода, однако до сих пор не стал предметом специального систематического теоретико-методологического исследования»². При этом следует учитывать, что «нарративы просто напичканы социологической информацией, а большинство эмпирических данных в социологии имеют нарративную форму, даже результаты анкетного опроса часто скрывают за числами значимые нарративы» [12, р. 518]. Можно сделать вывод о том, что нарративный анализ должен стать одним из основных социологических методов, а нарративная социология [13], или, как ее чаще называют, повествовательная социология [10], относится к новейшим направлениям современной социологии.

Какие же качества нарративной экономики и повествовательной социологии дают нам основания считать их методологическими донорами в современной социогуманитарной науке? По мнению известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике за 2013 г. Р. Шиллера, нарративная экономика и повествовательная социология являются практическими эталонами базирующегося на изучении нарративов масштабного подхода к изучению самых разных социогуманитарных явлений. Такой подход выступает своеобразным синтезом разных дисциплинарных методов. За последние десятилетия в общественных науках сформировалось большое количество течений, сторонники которых подчеркивают важность исследования популярных нарративов. К таким направлениям научной мысли можно отнести нарративную психологию, повествовательную социологию, анализ нарративов в психоанализе, изучение нарративов в религиоведении, нарративную криминологию, фольклористику, сарафанный маркетинг и т. д. Идея, объединяющая эти течения, заключается в том, что

«...большинство людей, если спросить их о целях или жизненной философии, практически ничего сказать не готовы. Но они охотно рассказывают личные истории, по которым можно судить об их истинных ценностях» [9, с. 43].

Близкие по содержанию оценки различных научных направлений, связанных с изучением нарративов, содержатся и в статье американского социолога Д. Майнса. По его мнению, нарративный поворот в человеческом исследовании достиг уровня социальных наук и создал ситуацию, которую можно назвать моментом повествования. Этот момент представляет собой набор условий и возможностей, которые позволяют разработать подлинную нарративную социологию. Такая социология сможет охватить социологию нарративов или изучение нарративов с точки зрения интересов предметной области социологической науки. Она бы всеобъемлюще и рефлексивно включала нарративы данной области знания, рассматривая социологов как рассказчиков и тем самым исследуя то, что они делают со своими и чужими нарративами. Такую двойственность фокуса можно рассматривать прозрачным образом, опираясь на существующие работы в области фольклора, антропологии, психологии развития, коммуникации, истории, литературной критики и других гуманитарных наук. По своей сути нарративная социология является максимально междисциплинарной [13, р. 17].

Сходную точку зрения по поводу углубления междисциплинарности социологической науки высказывает также социолог Ж. Т. Тощенко: «На наш взгляд, надо выходить на новый уровень обобщения, на иные формы осмысления и использования достигнутого социологией, включать в исследовательскую практику то, что накоплено в смежных социальных, естественных, точных и гуманитарных науках» [14, с. 5].

Чтобы убедиться в том, что нарративная экономика и повествовательная социология являются сегодня «зонтичными» науками, которые вобрали в себя методологические приемы и подходы из самых разных научных дисциплин и в силу этого стали «методологическими донорами» для других социогуманитарных наук, попробуем определить вклад разных научных дисциплин в процессы формирования и развития нарративной экономики и повествовательной социологии.

Научные дисциплины, играющие ключевую роль в процессах формирования и развития нарративной экономики и повествовательной социологии

На наш взгляд, к числу дисциплинарных подходов, которые играют определяющую роль в процессах формирования и развития современной нарративной экономики и повествовательной со-

циологии, можно отнести методологические подходы, разработанные в рамках таких научных дисциплин, как история экономических учений, история макро- и микросоциологии, нарратология, меметика,

²Троцук И. В. Нарративный анализ в социологии: возможности практического применения : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01. М. : РУДН, 2005. С. 4.

экономическая и социальная риторика, макроэкономическое прогнозирование и социальное проектирование.

История экономических учений и история макро- и микросоциологии (больших нарративов). Р. Шиллер так оценивает возможности истории экономических учений для успешного решения проблем нарративной экономики: «...курс истории экономической мысли, какую бы ценность она ни представляла, затрагивает лишь вершину айсберга экономических теорий и не исследует то, о чем думали миллионы простых граждан. История изучает трактаты об оптимальном вмешательстве государства на уровне рынков, а вовсе не то, как обычные люди изо дня в день принимают экономические решения, пребывая то в состоянии воодушевления, то в нерешительности» [9, с. 8]. На наш взгляд, недооценивать вклад истории экономических учений в формирование нарративной экономики нельзя, поскольку специалисты именно этой области изучают такой тип экономических нарративов, как большие нарративы (экономические учения, социально-экономические формации и т. д.), на которых «может зиждиться структура знания целой цивилизации» [15, с. 524].

Исследованием больших нарративов (макросоциологических доктрин и отраслевых социологических теорий) занимается и такая социологическая дисциплина, как история макро- и микросоциологии. Широкий набор макросоциологических доктрин и отраслевых социологических теорий представлен в работе Дж. Скотта [16, р. 197–207].

В последнее время российские исследователи все чаще пишут о «необходимости “антропологического поворота” в гуманитарных науках, подразумевающего отказ от “больших нарративов” и понятийного эссенциализма в пользу обращения к “истории людей”» [2, с. 234]. Наблюдается данный «антропологический поворот» и в учебных аудиториях западных университетов. Так, «на семинарах по экономике вопрос “Что у тебя за история?” – это призыв перейти на более низкий уровень абстракции, поближе к эпизодам из обычной жизни людей» [17, с. 22]. По свидетельству И. П. Ильина, век постмодернизма для французского философа Ж.-Ф. Лиотара характеризуется эрозией веры в великие метаповествования, легитимирующие, объединяющие и тотализирующие представления о современности. Сегодня мы являемся свидетелями раздробления великих историй, появления множества более простых локальных историй-рассказов. Смысл этих парадоксальных по своей сути повествований состоит в том, чтобы не узаконить знание, а в том, чтобы драматизировать наше понимание кризиса, прежде всего кризиса детерминизма, который сохранился только в виде маленьких «островков» в мире всеобщей нестабильности³.

Нарратология как наука, изучающая узкодисциплинарные и персональные истории (малые нарративы). По словам российского исследователя В. И. Тюпы, «...современная нарратология представляет собой весьма обширную область научного поиска в области сюжетно-повествовательных высказываний (дискурсов), соотносимых с некоторой фабулой (историей, интригой). Речь идет не только о художественных текстах и порой даже не только о текстах вербальных: усилиями историков, философов, культурологов категория нарративности получила весьма широкое и богатое концептуальное наполнение» [18, с. 5]. Главным объектом изучения нарратологии является нарратив. Под последним подразумевается любой повествовательный текст, функцией которого выступает информирование адресата о событиях. Данный тип изложения является специфическим и, в отличие от дескриптивного (описательного) или экспозиторного (объяснительного) типа, имеет сюжет. Именно «осюжеченные» тексты несут в себе информацию, ценную для социального исследователя, для которого важны не факты, касающиеся событий, а то, как автор осмысливает происходящее и преподносит его своему собеседнику. Изучая нарративы, а значит, и сюжетные структуры, исследователь решает множество задач. Например, он исследует «взаимосвязи между макро- и микроуровнями общества, процессы структуризации, социального (вос)производства и социальных изменений» [19, с. 95]. Поскольку все нарративы привязаны к конкретным тематическим ситуациям, то вполне закономерным является то, что к настоящему времени в рамках нарратологии сложилась четкая дисциплинарная дифференциация видов анализируемых нарративов. Исторические нарративы изучает историческая нарратология, литературно-художественные нарративы – литературоведческая нарратология, социальные нарративы – социологическая нарратология, экономические нарративы – экономическая нарратология и т. д. Иными словами, «в широком поле нарративных данных могут работать исследователи из разных областей науки, это и психологи, и историки, и социологи, и этнографы» [19, с. 95]. Весьма широким является и перечень речевых жанров, имеющих нарративную форму: «...тексты интервью, дневники, литературные произведения, рассказы пациентов на психотерапевтических сеансах, показания свидетелей, некрологи, рекламные тексты, новости на телевидении, тексты песен, анекдоты, любовные письма и т. д.» [19, с. 95].

Меметика как наука о психических, или мозговых, вирусах (трактовка Р. Броди [20]) и мемах как аналогах культурных генов (трактовка Р. Докинза [21]). В своем понимании меметики Р. Шиллер придерживался трактовки Р. Броди: «...мысли-

³Ильин И. П. Метарассказ // Западное литературоведение XX века : энциклопедия / под ред. Е. А. Цургановой. М. : Intrada, 2004. С. 252.

вирусы ответственны за многие из изменений, которые мы наблюдаем в экономике. История нашего времени и нашей личной жизни постоянно меняется, а вместе с ней меняется и наше поведение» [9, с. 23]. В другом месте своей книги Р. Шиллер прямо пишет о том, что «экономический нарратив представляет собой “вирусную историю”, которая вполне способна повлиять на принимаемые людьми экономические решения» [9, с. 30].

В то же время среди современных экономистов и социологов достаточно распространенным является и иное понимание меметики, а именно трактование ее как науки об экономических и социальных мемах. Еще в начале XXI в. представители такого понимания меметики ставили задачи выявить и устранить социально неэффективные решения, которые приобрели свойства экономических мемов: «...однажды принятое социально неэффективное решение становится устойчивым и определяет деятельность экономических субъектов в течение долгого времени. Экономическая система или ее часть начинает развиваться в таком направлении, которое в итоге ведет общество к кризису и упадку. Экономисты не выработали единую точку зрения по поводу возможности избежать такого развития событий» [22, с. 14]. В свою очередь социологи высказываются о роли социальных мемов в процессах общественной коммуникации следующим образом: «Мемы... это не просто модернизированный анекдот, это социально-культурная технология, имеющая фундаментально-прикладной статус в связи с попыткой использования при синтезе мема как социальных, так и психологических закономерностей и... использование специальных платформ для их размещения, что позволяет смело говорить об институционализации мема как продукта массовой культуры в информационном обществе» [23, с. 187].

Экономическая и социальная риторика, в рамках которой изучаются разговоры экономистов и социологов. По мнению американского экономиста Д. Макклоски, риторика не занимается истиной, она занимается разговором. Риторика представляет собой «способ литературно анализировать разговоры экономистов и математиков точно так же, как разговоры поэтов и прозаиков» [17, с. 221]. Как уже отмечалось, дискуссия по поводу использования этого риторического метода в американской экономической науке к настоящему времени уже завершилась. Данный метод занял достойное место в ряду других методологических подходов к исследованию экономических явлений [11, с. 82].

Социальная риторика, создающая возможности для междисциплинарных переходов и трансферов между социогуманитарными науками, развивается, например, в работах зарубежных социологов Й. Терборна и Р. Коллинза. По мнению Й. Терборна, именно

«...социология предлагает наиболее выгодную позицию (точку зрения) для понимания мира в целом, сочетания прошлого и современности. Она широко открыта для других областей знания и дисциплин, сама являясь плюралистической наукой, движимой свободным от парадигматических обязательств любопытством и желанием увязать как можно больше эмпирических доказательств и свидетельств человеческого опыта» [24, с. 12]. Р. Коллинз считает, что «...главный род деятельности, который придает социологии интеллектуальное оправдание, – это формулировка обобщенных объяснительных принципов, организованных в модели глубинных процессов, порождающих социальный мир. Именно эти процессы определяют, как конкретные условия порождают конкретные результаты. Именно эти обобщенные способы объяснения и составляют науку» [25, с. 71].

Макроэкономическое прогнозирование и социальное проектирование. Макроэкономическое прогнозирование традиционно осуществляется путем анализа тенденций, мегатрендов, больших данных, а также экономических нарративов. По поводу возможного использования результатов анализа экономических нарративов в целях прогнозирования развития экономики Р. Шиллер пишет следующее: «Нарративная экономика, как учение о получивших широкое распространение в обществе суждениях, влияющих на экономическое поведение, может помочь точнее прогнозировать экономические изменения и подготовиться к ним» [9, с. 29]. В издательской аннотации к книге Р. Шиллера указано, что автор первым обратил внимание на то, что экономические модели на базе вирусных историй, нарративы, являются более точными. За эту идею ученый получил Нобелевскую премию. Если следовать теории Р. Шиллера, то благодаря изучению историй, подкрепленных верой людей и принимающих форму «информационной эпидемии», можно строить более точные прогнозы. Такие прогнозы способны подготовить человечество к экономическим потрясениям и снизить их потенциальный ущерб [9, с. 4].

Для социального проектирования учет содержания социальных нарративов может быть полезным по следующим причинам.

1. Использование социальных нарративов и дискурсов способствует выполнению социологией своей воспитательно-проективной функции: «...воспитатель должен быть социализирован и социологически образован, ибо социология воспитывает не морализаторством, негативными запретами (“нельзя”) и санкциями, а тем, что открывает дверь в тот сложный мир, в который, взрослея, войдет индивид; показывает, как устроен этот мир и каким нужно стать самому, чтобы чувствовать себя в нем комфортно, иметь возможность самореализации. В этом

и заключается смысл и суть огромной популярности социологического образования в развитых странах» [26, с. 23–24].

2. Именно социальные нарративы лежат в основе социотехнического проектирования, которое, «в отличие от классического, направлено не на формально-логические и технические компоненты, а на реализацию человеческой деятельности в социуме, ее

социальные и организационно-институциональные компоненты» [27, с. 269].

3. Каждый социальный нарратив описывает жизненную ситуацию, являющуюся «такой аналитической единицей, которая позволяет свести в одной модели общесоциальные, локальные и индивидуальные детерминанты качества и образа жизни людей, проследить их взаимовлияние»⁴.

Использование новейшей методологической парадигмы в рамках нарративной экономики и повествовательной социологии

Проведенный нами анализ ограниченного набора дисциплинарных подходов, наиболее повлиявших на формирование нарративной экономики и повествовательной социологии, показывает, что все рассмотренные дисциплинарные подходы очень тесно взаимодействуют, образуя единую методологическую парадигму. С ее помощью специалисты в области нарративной экономики и повествовательной социологии получают принципиально новые и более качественные результаты в описании и прогнозировании социально-экономического развития разных стран мира. В рамках нарративной экономики сегодня активно используются такие виды анализа экономических нарративов, как количественный анализ, «в рамках которого определяются вирусность нарративов и их влияние прежде всего на макроэкономические процессы», и качественный анализ, «где нарративы анализируются для выявления идей или упрощенных протомodelей, с помощью которых акторы объясняют экономические явления» [28, с. 119].

Что касается количественного анализа нарративов, то, по свидетельству Р. Шиллера, уже сегодня исследователи-экономисты пребывают в поиске оптимальных методик количественного анализа, которые помогли бы оценить влияние нарративов на экономические показатели. Поиск по текстам – это достаточно узкая, но весьма перспективная методика. Сервис «Google Ngram» был создан для подсчета количества упоминаний определенных фраз и сопоставления результатов за разные периоды. При этом он и другие подобные сервисы могли бы обеспечить гораздо большую точность сопоставляемых показателей. Кроме того, сбор данных об экономических нарративах следует осуществлять на регулярной основе по крайней мере один раз в год, а лучше чаще. Подобные исследования должны проводиться в разных странах и на разных языках непрерывно на протяжении десятилетий⁵ [9, с. 337–339].

Качественный анализ нарративов связан с «проводимыми на регулярной основе фокусированными интервью, в ходе которых в ответ на наводящие вопросы респондентам предлагалось бы рассказывать

подробные истории о своих экономических решениях» [9, с. 339]. Российский экономист В. М. Ефимов детально описывает механизм проведения качественного дискурсивного анализа, а именно анализа нарративов, имеющих непосредственное отношение к экономическим процессам и явлениям. Например, для того чтобы изучать финансовые рынки, нужно вступить в контакт с трейдерами. Непосредственный вербальный контакт, в результате которого исследователь получает доступ к определенной истории, и выступает для экономической науки тем, что в естественных науках называется научным экспериментом. Работая с транскриптом бесед-интервью, исследователь формирует концепции и понятия, которые в сжатой форме отражают изучаемое явление [30, с. 26, 29, 31].

В качестве ключевых и объединяющих понятий как для количественного, так и для качественного анализа экономических и социальных нарративов, благодаря использованию которых и формируется новейшая методологическая парадигма, выступают понятия «репликация» (повторение) и «виральность» (заразность). Как показал Р. Шиллер, заразность экономических нарративов зависит от возможностей их повторения: «Заразительная история – это история, которая быстро привлекает внимание и производит впечатление на человека. <...> Заразность зависит от частоты возможностей вставить нарратив в ходе разговора. <...> Возможности заражения могут повысить новые идеи и концепции» [9, с. 136–137].

Кроме того, по мнению Р. Шиллера, «...мутации нарратива или изменения условий среды, в которых этот нарратив существует, могут превратить его в нарратив экономический, оказывающий непосредственное влияние на экономические решения людей. Мутация также может сделать нарратив более заразным, изменив при этом историю, лежащую в его основе» [9, с. 149]. Как отмечает Р. Шиллер, «чтобы нарратив был эффективным, он должен быть правильно сформулирован и представлен» [9, с. 327]. Иными словами, именно высокая употребительность экономических нарративов позволяет, с од-

⁴Прогнозное социальное проектирование: методологические и методические проблемы / отв. ред. Т. М. Дридзе. М.: Наука, 1994. С. 57.

⁵Более подробно функционирование сервиса «Google Ngram» описано в работе [29].

ной стороны, использовать количественные подходы к их изучению (аналитика больших данных, трендовый анализ, лексико-статистический текстовый анализ и иные виды анализа), а с другой стороны, достаточно точно прогнозировать степень их влияния на принимаемые населением разных стран мира экономические решения, опираясь на количественно выраженный уровень заразности того или иного экономического нарратива. Р. Шиллер убежден в том, что «...изменения поведения потребителей, инвесторов и предпринимателей, иные экономические явления невозможно верно истолковать, не обратившись к нарративной экономике. Развитие нарративной экономики – это значимый проект и тема для серьезных исследований в будущем» [9, с. 361].

Специалисты, работающие в рамках повествовательной социологии, делятся следующими наблюдениями: «В многоголосоице современного текстового анализа в широком смысле этого слова оформились три лидера, судя по частоте упоминаний соответствующих словосочетаний в научной и публицистической литературе, – нарративный анализ, дискурсивные исследования и семиотика»⁶. В отечественной и зарубежной традиции крайне редко предпринимаются попытки систематизировать методологические и процедурные особенности разнообразных версий текстового анализа и прояснить критерии их номинации и взаимоотношений друг с другом. На подобную ситуацию влияют два принципиальных фактора. Во-первых, большинство исследователей неверно оценивают степень сконструированности используемых в рамках текстового анализа понятий, а потому таковые совершенно произвольно и некорректно «наклеиваются» и на объект, и на предмет изучения. Во-вторых, в современной социологии, особенно в отечественной традиции, отсутствуют методологические и методические дискуссии о статусе, моделях и методических решениях текстового анализа. Это можно считать симптомом аномалии в структуре социологического знания, поскольку текстовый анализ обрел феноменальную популярность, причем и в эмпирических исследованиях⁷.

Нарративную экономику и повествовательную социологию объединяет использование ими новейшей, нарративно-дискурсивно-риторической, методологической парадигмы, в отношении которой давно назрела необходимость описать историю ее формирования, а также особенности ее структуры. История формирования указанной методологической парадигмы имеет, на наш взгляд, три этапа:

1) изучение экономических историй, социальных дискурсов, больших и малых нарративов по ана-

логии с другими направлениями нарратологии (исторической, литературной, психологической, социологической, экономической нарратологией и т. д.);

2) исследование экономических и социальных мемов, психических вирусов, мыслей-вирусов в сравнении с другими направлениями меметики (исторической, психологической, социологической, экономической меметикой и т. д.);

3) формирование современной нарративной экономики и повествовательной социологии, в процессе развития которых были образованы основные виды анализа нарративов, объединяемые в рамках новейшей методологической парадигмы социогуманитарных наук.

Рассматриваемая методологическая парадигма включает в себя не только описанный количественный и качественный анализ нарративов, но и более современные и специализированные подходы к изучению нарративов, выработанные в процессе развития нарративной экономики, повествовательной социологии и других социогуманитарных наук. К числу новейших, более специализированных методов можно отнести следующие виды анализа нарративов:

- академический анализ нарративов. Разработка данного метода «...связывается с именем З. Фрейда, хотя его психоаналитические интерпретации историй жизни известных личностей были основаны на вторичных документах, а не на устных повествованиях. Однако З. Фрейд, разрабатывая психоаналитический метод исследования личности, в общих чертах сформулировал правила, необходимые для получения повествования»⁸;

- жизненные истории. Данный вид анализа нарративов давно используется в антропологии как метод сбора данных. Историей в этом случае выступает «рассказ информанта о жизни, направляемый вопросами антрополога» [4, с. 42];

- интерпретативный подход к анализу биографических нарративов. Биография попадает в поле внимания дисциплин, в которых главенствует интерпретативный подход, а именно педагогики, истории, психологии, социологии, политологии, литературоведения, лингвистики, философии. Формированию этого подхода способствовали этнометодология, метод «кейс-стади», символический интеракционизм, феноменология, культурные исследования, герменевтика, интерпретативная антропология, интерпретативная социология [4, с. 42]. Кроме того, «...из современной семиотики известно, что текст создается чтением. Интерпретация требует чтения документов под разными углами зрения. Приходится признать, что имеешь дело не с тем, что некоторое

⁶Троцук И. В. Анализ текстовых данных в социологии: основания систематизации концептуальных моделей, методологических принципов и методических решений : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.01. М. : РУДН, 2014. С. 5.

⁷Там же. С. 7.

⁸Крукович Е. И. Нарративное интервью // Социология : энциклопедия / под ред. В. Н. Иванова. Минск : Книж. дом, 2003. С. 606.

время назад называли комплексным подходом, но с размытием границ отдельных дисциплин и методов» [31, с. 16];

- когнитивный нарративный анализ. Описательные и объяснительные инструменты когнитивный подход заимствует из дисциплинарных традиций. Источниковые дисциплины включают когнитивную лингвистику, прагматику, анализ дискурса, нарратологию, теорию коммуникации, антропологию, стилистику, когнитивную, эволюционную и социальную психологию, риторику, информатику, теорию литературы и философию. Для удобства описания используется термин «когнитивный нарративный анализ» как общее обозначение всех подходов, каждый из которых имеет определенный теоретический акцент, набор концептов и предпочтительный метод исследования⁹;

- конструктивистский подход к анализу нарративов. Значимый вклад в развитие нарративной методологии внес когнитивный психолог Дж. Брунер. Он концептуализировал нарратив как один из двух типов человеческого мышления и, применив к нарративу конструктивистский подход, выдвинул тезис о взаимном влиянии прожитой жизни и рассказа о ней¹⁰;

- метод нарративного интервью. Он представляет собой качественный метод исследования в антропологии, социологии, психологии, образовании, психотерапии и истории. Теоретические предпосылки метода нарративного интервью лежат в этнометодологии, символическом интеракционизме Ч. Кули, У. Томаса, Дж. Г. Мида, социальной феноменологии А. Шютца. Исторической предпосылкой нарративного интервью выступает биографический метод, а также исследования личных устных и письменных рассказов о жизни представителей определенных социальных групп, проводившиеся американскими, польскими и австрийскими социологами и психологами в начале XX в. Таким образом, «...метод нарративного интервью основан на представлении об истории жизни как социальном конструкте, охватывающем как социальную реальность, так и переживаемый субъектом мир. При этом жизненные истории, понимаемые как конструкты, не отделяются от интеракционных процессов»¹¹;

- метод создания метанарративов. Последние представляют собой универсальную систему понятий, знаков, символов, метафор и т. д., направленную на создание единого типа описания. С помощью метанарратива соединяются различные языки, культур-

ные и смысловые дискурсы. Метанарратив «состоит из наиболее общих понятий и создается преимущественно в процессе философского осмысления»¹²;

- нарративный анализ. Методологические разработки нарративного анализа связаны с именами Ф. Шютце, В. Фишера, Г. Розенталь, Дж. Брунера и др. Нарративный анализ предполагает качественный анализ материала нарративного интервью¹³ (биографического или тематического);

- психоаналитический анализ нарративов. Главным методом исследования в психоаналитической терапии является метод «кейс-стади» («кейс-нарратив»), который предполагает «изучение эвристически и коммуникативно значимых индивидуальных случаев или в целом биографий обычных людей для конструирования на их основе типических моделей психических структур» [32, с. 1252];

- структурный анализ нарративов. Трактовка нарратива как механизма из множества составных частей совпадает с предложенным В. Лабовым структурным анализом нарративов, который сегодня является наиболее популярным в социологии [33, с. 177];

- сюжетный анализ. Данный вид основан на принципах структурного рассмотрения текста, выдвинутых в начале XX в. представителями структуралистского направления в лингвистике»¹⁴. По свидетельству Б. В. Булюбаша, «уделяя столь большое внимание структуре курсовой работы, авторы учебника “Science for public understanding” выходят за рамки обычных методических рекомендаций, фактически пытаются обозначить формат, которому – в идеале – должно соответствовать нарративное изложение сюжетов современной науки» [34, с. 182];

- фрактальный нарратив как способ создания повествований. Материал для курсовой работы современный студент ищет чаще всего в интернете, двигаясь от одной гиперссылки к другой. Курсовой работой становится, по сути, комментированное описание пройденного маршрута. Описывая такое погружение в интернет, В. В. Тарасенко говорит о «человеке кликающем», живущем в мире медиа, в отличие от «человека читающего», живущего в мире библиотек. По мнению эксперта, фрактальным нарративом следует называть способ создания повествований, рассказывающих о подобных интернет-путешествиях [34, с. 182–183].

Многообразие перечисленных видов нарративного анализа, на наш взгляд, полностью соответствует многообразию существующих видов самих нарративов. Как справедливо заметили Й. Брокмейер

⁹Herman D. Narrative: cognitive approaches // Encyclopedia of language and linguistics / ed. by K. Brown. 2nd ed. Vol. 8. Amsterdam : Elsevier, 2006. P. 452–459.

¹⁰Крукович Е. И. Нарративное интервью... С. 606.

¹¹Там же.

¹²Никоненко С. В. Метанарратив // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / редкол.: И. Т. Касавин (гл. ред. и сост.) [и др.]. М. : Канон+, 2009. С. 489–490.

¹³Крукович Е. И. Нарративное интервью... С. 607, 608, 610 ; Троцук И. В. Нарративный анализ... С. 10–11.

¹⁴Троцук И. В. Нарративный анализ... С. 5.

и Р. Харре, «...виды нарратива удивительно разнообразны и многоцветны: фольклорные истории, эволюционные объяснения, басни, мифы, сказки, оправдания действий, мемориальные речи, объявления, извинения и т. д. Бесчисленны жанры и формы нарративных текстов. Вместе с тем все они имеют некоторые общие особенности независимо от того, сообщаются ли они в монологах или диалогах, в литературных или обычных историях, устных или письменных текстах. <...> Иными словами, наш локальный репертуар нарративных форм переплетается с более широким культурным набором дискурсивных порядков, которые определяют, кто какую историю рассказывает, где, когда и кому» [35, с. 30–31]. Наличие у разных нарративных форм общих особенностей и дискурсивных характеристик дало основания зарубежным философам сделать вывод о том, что речь идет не просто о новом эмпирическом объекте анализа, а о новом теоретическом подходе, новом жанре в философии науки. Возрастающий интерес к изучению нарратива означает «появление еще одной разновидности стремления к созданию новой парадигмы и даль-

нейшего усовершенствования постпозитивистского метода в философии науки» [35, с. 29].

К аналогичному заключению по поводу методологических возможностей новейшей, нарративно-дискурсивно-риторической, методологической парадигмы приходит и российский исследователь И. В. Троцук. Она полагает, что представленный перечень возможностей нарративного и дискурсивного анализа объясняет их популярность в социологии и за ее пределами. Социальная реальность представляет собой дискурсивно созданный мир, который не может претендовать на подлинность, и существуют миллиарды субъективных истин, воплощенных в личных и групповых нарративах. На взгляд И. В. Троцук, единственное, что остается социальным ученым, стремящимся раскрыть природу социально сконструированного и дискурсивно конституированного жизненного мира, – это «сосредоточиться на типичных текстовых стратегиях типичных социальных акторов в типичных институциональных и локальных контекстах и использовать все доступные ресурсы нарративного и дискурсивного анализа» [36, с. 59].

Заключение

Рассмотрение этапов формирования новейшей, нарративно-дискурсивно-риторической, методологической парадигмы, используемой в качестве основы для развития нарративной экономики и повествовательной социологии, позволяет сделать определенные выводы.

Новейшие отраслевые теории, такие как нарративная экономика и повествовательная социология, сформировались благодаря совместному использованию методологических подходов, разработанных в рамках истории экономических учений, истории макро- и микросоциологии, нарратологии, меметики, социально-экономической риторики, макроэкономического прогнозирования и социального проектирования.

В качестве теоретической основы нарративной экономики и повествовательной социологии выступает новейшая, нарративно-дискурсивно-риторическая, методологическая парадигма, в истории формирования которой выделяются три этапа:

- изучение экономических историй, социальных дискурсов, больших и малых нарративов;
- исследование экономических и социальных мемов, психических вирусов и определение степени разности экономических и социальных нарративов;
- формирование современной нарративной экономики и повествовательной социологии, в процессе развития которых были образованы основные виды анализа нарративов (академический анализ нарративов, жизненные истории как метод сбора данных, качественный анализ нарративов, когнитивный нарративный анализ, количественный анализ нарративов, конструктивистский подход к анализу нарративов, метод нарративного интервью, метод создания метанарративов, нарративный анализ, психоаналитический анализ нарративов, структурный анализ нарративов, сюжетный анализ и др.). Данные виды анализа активно взаимодействуют в рамках новейшей, нарративно-дискурсивно-риторической, методологической парадигмы.

Библиографические ссылки

1. Прохорова ИД. Новая антропология культуры. Вступление на правах манифеста. *Новое литературное обозрение*. 2009;100:9–16.
2. Фетисов М. Нарратив и теория в исследованиях советского: значение исследований Н. Н. Козловой для современной политической теории. *Социологическое обозрение*. 2017;16(1):227–246. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-1-227-246.
3. Лехциер ВЛ. Нарративный поворот и актуальность нарративного разума. *Международный журнал исследований культуры*. 2013;1:5–8.
4. Трубина ЕГ. *Рассказанное Я: отпечатки голоса*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2002. 278 с.
5. Данилов АН, Безнюк ДК, Богдевич ИМ, Водопьянов ПА, Волотовский ИД, Зеленков АИ и др. Современный социум: новые вызовы и риски. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;4:24–25. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-4-12-33.
6. Кравченко СА. Развитие предмета социологии: от монодисциплинарности к меж- и постдисциплинарности. *Социологические исследования*. 2020;3:16–26. DOI: 10.31857/S013216250008794-6.

7. Савчук ВВ. Феномен поворота в культуре XX века. *Международный журнал исследований культуры*. 2013;1:93–108.
8. Яницкий ОН. Органическая модернизация vs информационная архаизация. *Общественные науки и современность*. 2017;4:153–164.
9. Шиллер Р. *Нарративная экономика. Новая наука о влиянии вирусных историй на экономические события*. Калугин Е, переводчик. Москва: Эксмо; 2023. 416 с.
10. Berger RJ, Quinney R. *Storytelling sociology: narrative as social inquiry*. Boulder: Lynne Rienner Publishers; 2005. 307 p.
11. Расков ДЕ. Риторика новой институциональной экономической теории. *Вопросы экономики*. 2010;5:81–95. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-5-81-95.
12. Franzoci R. Narrative analysis – or why (and how) sociologists should be interested in narrative. *Annual Review of Sociology*. 1998;24:517–554.
13. Maines DR. Narrative's moment and sociology's phenomena: toward a narrative sociology. *Sociological Quarterly*. 1993;34(1):17–38.
14. Тощенко ЖТ. От феномена к ноумену: опыт методологического и методического поиска. *Социологические исследования*. 2019;4:3–14. DOI: 10.31857/S013216250004582-3.
15. Зенкин С. Критика нарративного разума. *Новое литературное обозрение*. 2003;59:524–534.
16. Scott J, editor. *Sociology: the key concepts*. London: Routledge; 2006. 232 p.
17. Макклоски Д. *Риторика экономической науки*. Якименко О, переводчик. Москва: Издательство Института Гайдара; 2015. 328 с.
18. Тюпа ВИ. Очерк современной нарратологии. *Критика и семиотика*. 2002;5:5–31.
19. Евстигнеева НВ, Оберемко ОА. Модели анализа нарратива. *Человек. Сообщество. Управление*. 2007;4:95–107.
20. Brodie R. *Virus of the mind. The new science of the meme*. London: Hay House; 2009. 249 p.
21. Докинз Р. *Эгоистичный ген*. Фомина Н, переводчик. Москва: АСТ; 2016. 512 с.
22. Нестеренко А. О чем не сказал Уильям Баумоль: вклад XX столетия в философию экономической деятельности. *Вопросы экономики*. 2001;7:4–17.
23. Барановский ВА. Интернет-мемы в контексте культурной модернизации общества. В: Данилов АН, редактор. *Социологическая наука и образование: современные вызовы и риски. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Г. П. Давидюка; 10 ноября 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 185–188.
24. Терборн Й. *Мир: руководство для начинающих*. Горбунова ЕМ, Титаренко ЛГ, переводчики. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2015. 336 с.
25. Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? *Thesis*. 1994;4:71–96.
26. Шавель СА. *Общественная миссия социологии*. Минск: Беларуская навукa; 2010. 730 с.
27. Старжинский ВП, Цепкало ВВ. *На пути к обществу инноваций*. Минск: РИВШ; 2017. 454 с.
28. Вольчик ВВ, Цыганков СС, Маскаев АИ. Формальные институты российской инновационной системы в свете нарративной экономики. *ЭКО*. 2022;10:110–128.
29. Hayes B. Bit lit: with digitized text from five million books, one is never at a loss for words. *American Scientist*. 2011;99(3):190–194.
30. Ефимов ВМ. Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. *Вопросы регулирования экономики*. 2011;12(3):15–53.
31. Козлова НН. Методология анализа человеческих документов. *Социологические исследования*. 2004;1:14–26.
32. Белая ГВ, Симонов КИ. Гносеонтологическая интерпретация дихотомии «нарратив/текст». *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2009;11(4):1250–1258.
33. Троцук ИВ, Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков [Рецензия]. *Социологический журнал*. 2005;4:168–178. Рецензия на: Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. Москва: Идея-пресс; 2003. 360 с.
34. Булюбаш БВ. Нарратив: между наукой и образованием. *Науковедение*. 2003;3:177–184.
35. Брокмейер Й, Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. *Вопросы философии*. 2000;3:29–42.
36. Троцук ИВ. Воображаемая дилемма «методология – методика», или Почему мы предпочитаем дискурсивный и нарративный анализ «традиционному» контент-анализу. *Социологическое обозрение*. 2015;14(3):48–63.

References

1. Prokhorova ID. [New anthropology of culture. Introduction as a manifesto]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2009;100:9–16. Russian.
2. Fetisov M. Theory and narrative in soviet studies: the relevance of Natalya Kozlova's thought for the political theory of modernity. *Russian Sociological Review*. 2017;16(1):227–246. Russian. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-1-227-246.
3. Lekhtsier VL. Narrative turn and the actuality of the narrative mind. *International Journal of Cultural Research*. 2013;1:5–8. Russian.
4. Trubina EG. *Rasskazannoe Ya: otpechatki golosa* [Narrated self: voice prints]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; 2002. 278 p. Russian.
5. Danilov AN, Bezniuk DK, Bogdevich IM, Vodopiyanov PA, Volotovskiy ID, Zelenkov AI, et al. Modern society: new challenges and risks. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;4:24–25. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-4-12-33.
6. Kravchenko SA. Development of the subject of sociology: from monodisciplinarity to inter- and post-disciplinarity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;3:16–26. Russian. DOI: 10.31857/S013216250008794-6.
7. Savchuk VV. The phenomenon of turn in 20th century culture. *International Journal of Cultural Research*. 2013;1:93–108. Russian.

8. Yanitsky ON. Organic modernization vs informational archaization. *Social Sciences and Contemporary World*. 2017;4: 153–164. Russian.
9. Schiller R. *Narrativnaya ekonomika. Novaya nauka o vliyaniy virusnykh istorii na ekonomicheskie sobytiya* [Narrative economics. A new science about the influence of viral stories on economic events]. Kalugin E, translator. Moscow: Eksmo; 2023. 416 p. Russian.
10. Berger RJ, Quinney R. *Storytelling sociology: narrative as social inquiry*. Boulder: Lynne Rienner Publishers; 2005. 307 p.
11. Raskov D. Rhetoric of the new institutional economics. *Voprosy ekonomiki*. 2010;(5):81–95. Russian. DOI: 10.32609/0042-8736-2010-5-81-95.
12. Franzoci R. Narrative analysis – or why (and how) sociologists should be interested in narrative. *Annual Review of Sociology*. 1998;24:517–554.
13. Maines DR. Narrative's moment and sociology's phenomena: toward a narrative sociology. *Sociological Quarterly*. 1993; 34(1):17–38.
14. Toshchenko ZhT. From phenomenon to noumenon: a methodological and methodic search. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019;4:3–14. Russian. DOI: 10.31857/S013216250004582-3.
15. Zenkin S. [Critique of narrative reason]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2003;59:524–534. Russian.
16. Scott J, editor. *Sociology: the key concepts*. London: Routledge; 2006. 232 p.
17. McCloskey D. *Ritorika ekonomicheskoi nauki* [Rhetoric of economic science]. Yakimenko O, translator. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2015. 328 p. Russian.
18. Tyupa VI. Oчерк sovremennoi narratologii [Essay on modern narratology]. *Kritika i semiotika*. 2002;5:5–31. Russian.
19. Evstigneeva NV, Oberemko OA. Modeli analiza narrative [Models of narrative analysis]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2007;4:95–107. Russian.
20. Brodie R. *Virus of the mind. The new science of the meme*. London: Hay House; 2009. 249 p.
21. Dawkins R. *Egoistichnyi gen* [The selfish]. Fomina N, translator. Moscow: AST; 2016. 512 p. Russian.
22. Nesterenko A. [What William Baumol did not say: the contribution of the 20th century to the philosophy of economic activity]. *Voprosy ekonomiki*. 2001;7:4–17. Russian.
23. Baranovskii VA. [Internet memes in the context of cultural modernisation of society]. In: Danilov AN, editor. *Sotsiologicheskaya nauka i obrazovanie: sovremennye vyzovy i riski. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora G. P. Davidyuka; 10 noyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Sociological science and education: modern challenges and risks. Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the memory of full professor G. P. Davidyuk; 2021 November 10; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 185–188. Russian.
24. Terborn J. *Mir: rukovodstvo dlya nachinayushchikh* [The world: a beginner's guide]. Gorbunova EM, Titarenko LG, translators. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2015. 336 p. Russian.
25. Collins R. [Sociology: science or anti-science?] *Thesis*. 1994;4:71–96. Russian.
26. Shavel' SA. *Obshchestvennaya missiya sotsiologii* [Public mission of sociology]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2010. 730 p. Russian.
27. Starzhinskii VP, Tsepka VV. *Na puti k obshchestvu innovatsii* [On the way to an innovation society]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2017. 454 p. Russian.
28. Vol'chik VV, Tsygankov SS, Maskaeve AI. [Formal institutions of the Russian innovation system in light of narrative economics]. *ECO*. 2022;10:110–128. Russian.
29. Hayes B. Bit lit: with digitized text from five million books, one is never at a loss for words. *American Scientist*. 2011; 99(3):190–194.
30. Efimov VM. [Discourse analysis in economics: a revision of the methodology and history of economic science]. *Journal of Economic Regulation*. 2011;12(3):15–53. Russian.
31. Kozlova NN. Methodology of human document analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2004;1:14–26. Russian.
32. Belaya GV, Simonov KI. Gnoseontologic interpretation of a «narrative/text» dichotomy. *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Medicobiological Sciences*. 2009;11(4):1250–1258. Russian.
33. Trotsuk IV, Ankersmit F. Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians [Review]. *Sociological Journal*. 2005;4:168–178. Review of: Ankersmit F. Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians. Moscow: Ideja-press; 2003. 360 p. Russian.
34. Bulyubash BV. [Narrative: between science and education]. *Naukovedenie*. 2003;3:177–184. Russian.
35. Brockmeyer J, Harre R. [Narrative: problems and promises of an alternative paradigm]. *Voprosy filosofii*. 2000;3:29–42. Russian.
36. Trotsuk IW. When methodology beats techniques, or Why we prefer discourse and narrative analysis to interpret textual data. *Russian Sociological Review*. 2015;14(3):48–63. Russian.